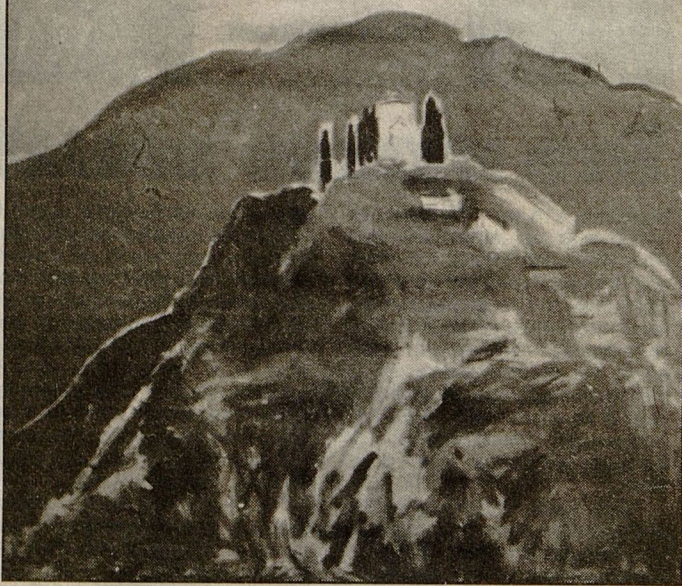

Окно в безгрешный мир

Выставка итальянских пейзажей Юрия Ларина.

Институт искусствознания

вс. кат. - 1997. - 16 окт. - с. 5.

Если вы зайдете на выставку Юрия Ларина, какой-нибудь добродух тут же шепнет вам на ушко, что "это сын Бухарина, того самого". Будто это что-то убавит прибавит к четырнадцати живописным и десяти акварельным выставленным здесь работам совершенно своеобразного художника. Воздух и небо Италии — такова тема выставки, и если кто бывал там, непременно вспомнит и эту голубизну наверху, и горы, в тумане не различимые с облаками, и эту порой скучную зелень (Италия подлинная вовсе не так плодородна, как казалось нам в детстве), и добела выжженные дороги, и деревья-дымки на обочине. Понятно, почему работы Ларина приобретены и Третьяковкой, и Русским музеем, и многими зарубежными коллекционерами.

— Первым, кто оценил меня, был знаменитый коллекционер Яков Рубинштейн, — рассказал корреспонденту "ВК" Юрий Николаевич. — В его коллекции было много классиков XX века. И вот он пришел ко мне в мастерскую и говорит: "Юра, я не Рябушинский, но я хочу это, это... и это!" Я потом был у него дома и, как увидел, что моя работа висит рядом с Ларионовым, обалдел...

А моя первая персональная выставка прошла в 1982 году в Ермоловском театре. Ее помог сделать художник Валерий Волков, мы вместе преподавали в училище 1905 года, и он знал, что меня не выставляют по известным причинам... И на эту выставку Рубинштейн привел тогдашнего посла Италии Джованни Мильуоло, знаток живо-

писи и меломана, любившего собирать в посольстве московскую интеллигенцию. (На стенах там висели картины наших художников, потом и мои тоже). На выставке в Ермоловском Джованни понравилась моя работа "Переславль-Залесский", и он ее приобрел. Он дружил со многими художниками, но меня как-то особенно любил, мечтал свозить в Италию, показать ее...

После России Мильуоло работал постпредом Италии в ООН. И они вместе со Стивом Козном в 1987 году устроили выставку моих акварелей в Нью-Йорке. Джованни издал каталог за свой счет. Когда не стало Джованни Мильуоло и Якова Рубинштейна, я словно осиротел. Но и после смерти Джованни мне пришлось приглашение из Италии устроить там выставку. Она, к сожалению, не состоялась — это был 91-й год, и в России как раз начался путч.

Тем не менее итальянцы не оставляли меня своим вниманием. Сотрудница посольства Микела Сандини просто пригласила нас, меня и мою жену Ольгу, к себе погостить. И мы целый месяц прожили на Севере Италии, перед самыми Альпами. А через год ее знакомая хозяйка маленькой гостиницы снова приняла нас на месяц на полный пансион — за это я подарил ей свою картину "Сосны в Звенигороде". Там и родился этот итальянский цикл. Почему я не писал, например, Венецию? Я бывал там наездами, а по натуре я не турист, люблю те места, в которые вжился...

В жизни моей вообще происходят удивительные истории. В

1996 году прошла моя выставка портретов и пейзажей в московском отделении Всемирного банка. Она уже закрылась, просто не было машины вывезти работы, как тут на один день в Москву прилетел президент ВБ Джеймс Вульфензон. И вечером мне раздается звонок — не мог бы я прийти с утра? Назавтра я прихожу — охраны у банка видимо-невидимо... Меня провели к Вульфензону. Оказалось, ему понравилась моя картина "Виолончелист". "Знаете, — говорит он, — я и сам виолончелист, дружу с музыкантами — с Ростроповичем, Стерном, Баренбоймом... Я тоже даю концерты, но я, конечно, не великий, просто покупаю Карнеги-холл... У вас замечательный "Виолончелист", такой золотистый..."

И купил эту картину. А я-то "Виолончелиста" с нищего слепого музыканта писал, он играл классику в переходе от "Чеховской" к "Пушкинской", и я каждый день ходил, слушал, делал наброски...

Но вернемся на "итальянскую" выставку Ларина. Размером с окно, эти пейзажи словно окошки в чудный мир страны-мечты. Где явь и где мечта, воспоминание (а Ларин пишет пейзажи-импровизации по памяти) — вот эта тонкая грань и есть чудо его мастерства. Его называют минималистом (детали ему, кажется, только помешали бы), а сам он определяет свои работы как итог борьбы "музыкальности с изобразительностью". Еще шаг — и светящееся полотно превратится в полную абстракцию; шаг в другую сторону — и получился бы кондовый пейзаж. Но где-то между ними — подлинно поэтическое, почти недоступное в жизни для простого смертного видение безгрешного, чистого мира, каким его, наверное, первоначально и задумал Создатель, а показал нам Юрий Ларин.

Андрей АРДЕР.

На снимках: Вид на церковь Сант-анна со стороны Сольчедо, 1994. Юрий Ларин в мастерской.

ФОТО АЛЕКСАНДРА СУСЛОВА